

Ролан Дюма: «2 октября 1985 года самолет Михаила Горбачева приземлился в Париже.

Накануне этого события напряженность между Парижем и Вашингтоном сильно возросла. Президент США, который должен был встретиться с Михаилом Горбачевым в ноябре, попросил своих основных союзников приехать в Нью-Йорк, чтобы подготовить эту встречу. До визита Михаила Горбачева в Париж оставалось несколько дней. Однако в послании Рейгана французская сторона усмотрела предписание следовать указаниям администрации американского Президента. Франсуа Миттеран дает твердый отказ: Франции нельзя диктовать чужую волю. На следующий день я пытаюсь смягчить разногласия, пригласив к себе нескольких высокопоставленных американских чиновников. Ничего не получается – стороны слишком разгорячены. Американцы пристально наблюдают за франко-советской встречей, которая совсем не в их духе.

Как предписано протоколом, я встречаю советскую делегацию у трапа самолета. Советский руководитель прибывает в сопровождении своей жены Раисы, которую я вижу впервые. Блондинка, очень бледная, чувствуется, какая она хрупкая. Она прижимается к своему мужу, и мы понимаем, какая между ними тесная связь. Эта женщина разительно отличается от тех советских первых леди, которых мы знали. Ее современные наряды кажутся скандальными для СССР, в то время как мы – очарованы. Сразу после прилета мы направляемся в Елисейский дворец, где Франсуа Миттеран ожидает советского лидера для первой беседы. Будут ли подтверждены наши первые хорошие впечатления от коротких встреч с Шеварднадзе? Сможем ли мы сопротивляться притягательности советской стороны? И надо ли вообще сопротивляться, рискуя упустить шанс быть полезными для установления мирных отношений?

Президент Франции тепло приветствует Генерального секретаря и подчеркивает, что ему хотелось бы откровенного разговора:

“Я буду говорить прямо... В наших беседах я буду говорить то, что думаю”.

Играть в открытую – вот что Франсуа Миттеран сразу предлагает своему коллеге. Затем он, как всегда, вспоминает о Второй мировой войне и дружбе французского и русского народов в те годы. После короткой ответной речи, в которой Михаил Горбачев говорит, что он прилетел в Париж, чтобы интенсифицировать французо-русский диалог и одновременно поднять уровень экономического и культурного обмена, советский лидер принимает предложение об открытом диалоге, а затем произносит очень прагматичную речь. Он затрагивает основополагающие вопросы, и в первую очередь Женевские переговоры по разоружению. Советский руководитель требует от США прекращения программы СОИ в обмен на 50%-ное сокращение стратегических вооружений двух стран. Поддержит ли Франция эти требования? Или это неравный торг?

– Я союзник Соединенных Штатов, – отвечает Франсуа Миттеран, – и, принимая во внимание существующий сегодня баланс сил, я считаю, что все должно оставаться на своих местах. Но мы согласны не со всеми инициативами наших партнеров. И в отношении вас я настроен так же. Вы – лидер противоположного блока, но вы не являетесь моим врагом. Мы – два суверенных государства.

Итак, Миттеран расставил всё по местам, но дверь оставил открытой.

С этого момента начинается настоящая дискуссия. Михаил Горбачев хочет узнать мнение Франсуа Миттерана о своем предложении прямого диалога. Как он уже пояснил это в письменном виде в мае, Франсуа Миттеран еще раз подчеркивает строго оборонительный и независимый характер французских сил устрашения. Он говорит, что согласен на диалог, но не на прямые переговоры. По этому важнейшему вопросу Франция остается непреклонной. Таким образом, каждый остался при своем мнении.

Затем лидеры двух стран переходят к проблеме СОИ. Если перечитать стенограмму, то можно убедиться практически в полном совпадении мнений

по этому вопросу между Москвой и Парижем. При этом Франсуа Миттеран не сдает своих позиций ни по предпринимаемым шагам, ни по способам действия.

– Мое отношение к этому космическому предприятию является простым: я его не отвергаю, но отношусь к нему враждебно, и Франция не будет в нем участвовать...

– То, что Вы говорите, очень важно, особенно в сегодняшней ситуации. Мне кажется, что, если между СССР и Западной Европой не будет взаимопонимания, если мы не будем действовать сообща, администрацию Рейгана нельзя будет заставить сдвинуться с места.

Это последнее положение абсолютно понятно: помогите нам в борьбе против США! Ответ очень характерен для Миттерана:

– Я не знаю, что может заставить действовать администрацию американского Президента, она не очень-то покладиста.

Мягкий способ уйти от обсуждения вопроса! Встреча на этом заканчивается, хотя перед уходом Михаил Горбачев затрагивает волнующий его вопрос о военном сотрудничестве между Францией и ФРГ. Франсуа Миттеран дает ясный ответ: оно продолжится во всех сферах, кроме ядерной.

Короче говоря, во время первого раунда переговоров беседа была очень откровенной, однако советский лидер ничего не добился.

Вечером советской паре был предложен прекрасный ужин в Елисейском дворце. Интерес к советскому лидеру среди гостей очень высок. Сам Михаил Горбачев заинтриговывает своей открытой манерой говорить. Приглашенная парижская интеллигенция очарована Раисой. Михаил Горбачев – на пути к победе. Он покорит всю Европу. Мы присутствуем при рождении “горбомании”. Во время этого ужина, когда разговор заходит об Афганистане, Михаил Горбачев неожиданно для всех говорит, что при определенных условиях он готов остановить советское военное вмешательство в этой стране и вывести войска. На самом деле в ходе этого разговора Франсуа Миттеран заставил Михаила Горбачева согласиться с ним и подтвердить, что Ленин,

защитник угнетенных народов, никогда бы не одобрил оккупации страны “третьего мира”. На следующий день, во время второй встречи с глазу на глаз советский лидер вновь затронул эту тему. Сомнения Москвы по поводу своей политики в Афганистане очевидны.

– В этом вопросе, – говорит Горбачев Президенту Франции, – нам нужны понимание и поддержка Франции. Мы не собираемся бесконечно держать наши войска в Афганистане, у нас нет такого желания.

После пятилетней оккупации как будто бы наметилось решение. И так как Михаил Горбачев просит нашей поддержки, он ее получает.

3 октября советская делегация переходит, если можно так выразиться, в атаку. Пользуясь приглашением Луи Мермаза – в то время председателя Национальной Ассамблеи – и возможностью высказаться перед французскими журналистами, Михаил Горбачев публично говорит о своем предложении прямых переговоров между Парижем и Москвой и напоминает о другой своей инициативе, касающейся 50%-ного сокращения советских и американских стратегических вооружений. Общественное мнение полно энтузиазма по отношению к “миротворцу” до такой степени, что сделанное во время приема в честь советского лидера в мэрии Парижа заявление Жака Ширака о несоблюдении прав человека, а также заявление Лорана Фабиуса, вручившего Михаилу Горбачеву список из семи пунктов о вызывающих беспокойство общественности Франции случаях с диссидентами, остались практически незамеченными.

После обеда начинаются переговоры в расширенном составе. При участии двух глав государств, французского Премьер-министра и министров финансов, промышленности, культуры и, конечно, иностранных дел мы затрагиваем все аспекты двусторонних отношений с Москвой, так же, как экономические, культурные, научные. Михаил Горбачев обещает расширение связей во всех сферах. Удовлетворение, по-видимому, написано на наших лицах.

В сфере международных отношений, судя по моим беседам с Шеварднадзе и Горбачевым, Советский Союз занимает теперь гораздо более открытую позицию. Мы говорим о Сирии, Ливане, Чаде, Израиле – в первый раз представитель Кремля касается проблемы безопасности Израиля!, – а также о Камбодже, Афганистане, Европейском сообществе. На одной из пресс-конференций Михаил Горбачев впервые говорит о ЕЭС как о возможном экономическом и политическом партнере.

4 октября Франсуа Миттеран и Михаил Горбачев встречаются в ходе этого визита в последний раз для разговора с глазу на глаз. Пришло время Президенту Республики отвечать по существу на советские предложения.

По вопросу советско-американского сокращения ядерных вооружений на 50% Франсуа Миттеран прямо говорит, что он полностью поддерживает это предложение, но думает, что, принимая во внимание предварительное советское требование о закрытии СОИ, американцы не примут это предложение.

По вопросу прямых переговоров между Парижем и Москвой, что явным образом является главной целью визита Генерального секретаря, Франсуа Миттеран вновь выражает наш отказ. Он согласен на диалог, но не на прямые переговоры. Тогда Михаил Горбачев выдвигает “новую пешку”, которой даже не было тогда на “доске”. Он неожиданно предлагает:

– Я не собираюсь посягать на безопасность Франции, я не собираюсь требовать установления потолка для Франции в сфере ядерных вооружений. Я не буду ставить каких-либо препятствий вашей программе военного развития. Я всего лишь предлагаю Франции обменяться мнениями по этому вопросу в целях улучшения взаимопонимания.

Неожиданность: Горбачев предлагает нам вести переговоры... ни о чем! Значит, для него на самом деле гораздо важнее установление диалога с Западной Европой без посредничества США, нежели проведение переговоров. Франсуа Миттеран повторяет:

– Беседы – да. По любым вопросам. Переговоры – нет, так как мы не имеем достаточной свободы действий. Ваши силы на несколько порядков превосходят наши. Но обмен мнениями, повторяю, – да, конечно.

Советский лидер продолжает свои попытки. Он очень хочет начать с нами решительный диалог:

– Я хотел бы подчеркнуть свою позицию и выразить ее максимально четко. Я не выдвигаю Франции никаких требований в отношении военных сокращений, я не хочу посягать на ваши права и планы. Развитие ядерной программы – ваше суверенное право, и этот вопрос не должен присутствовать в советско-американских переговорах. Я предлагаю только обменяться мнениями по этой проблеме. Придем ли мы когда-нибудь к переговорам? Увидим.

В нескольких фразах Михаил Горбачев отказывается от основной массы требований Советского Союза по нашим вооружениям. Как тут не согласиться?

Но и на этот раз Франсуа Миттеран опять ничего не может сделать, кроме как вывести эту тему из разговора. Он предлагает продолжить этот диалог путем обмена обращениями. Но тут же объявляет о своем отказе. И делает он это через несколько минут после разговора, во время совместной пресс-конференции: “Я считаю, что было бы неразумно думать, что могут иметь место переговоры (напрямую между Францией и СССР)”. Формулировка не оставляет сомнений.

Очевидно, что дипломатические круги возлагали больше всего надежд именно на эту совместную пресс-конференцию. Насколько сильным будет сближение с СССР? Насколько Франция отойдет от позиций США?

Кстати, с первого дня Михаил Горбачев пытался провести нечто большее, нежели просто совместную пресс-конференцию. Он предложил Франсуа Миттерану сделать что-то вроде совместного заявления по СОИ. Франсуа Миттеран не попался на эту удочку:

– Можем ли мы вместе заявить о нашем стремлении к разрядке, указав какие-то пути, чтобы преуспеть в этом? Ответ положительный. Но каждый сделает это по-своему. Вы знаете, что я уже более трех лет не делаю никаких официальных заявлений. Но по окончании пресс-конференции каждый из нас подчеркнет самые важные, с его точки зрения, пункты, по которым у нас есть согласие. И если мы оба во время этой конференции произнесем слово “разрядка” – это будет очень важно. То же самое можно сказать и о космическом проекте. Вы, со своей стороны, отметите, что именно вы имеете против программы “звездных войн”, а я скажу, почему я являюсь противником СОИ. Таким образом, нужно четко выделить основные пункты: разрядка, космос, двусторонние отношения.

Затем, чтобы не было недопонимания, Президент Франции добавляет:

– Я, конечно же, не буду критиковать своих американских союзников, которые уже и так не слишком хорошего мнения обо мне. Они – мои союзники, и я думаю, нам лучше оставаться на своих позициях, чтобы способствовать улучшению ситуации.

Во время пресс-конференции Франсуа Миттеран ненавязчиво напоминает о своем несогласии с программой СОИ, ссылаясь на существующий договор 1972 года, подписанный США и СССР, который предусматривает демилитаризацию космоса. Он не стал развивать дальше эту тему, чтобы не подчеркивать еще большее совпадение своей точки зрения с позицией советского лидера. Он искренне желает, чтобы в Женеве обе стороны пришли к “приемлемому для всех компромиссу по СОИ”.

Михаил Горбачев делает упор совсем на другом. Он настаивает на “сближении” и говорит о взаимопонимании, разрядке, благоприятном климате и открытости диалога. И, конечно, напоминает о своей позиции по СОИ, но не слишком настойчиво. Он старается не слишком сильно критиковать Президента Франции за отказ вести прямые переговоры. В общем, делает все возможное, чтобы не ставить нас в неудобное положение. Мы оцениваем по

достоинству этот жест и еще раз убеждаемся в политической искушенности нашего собеседника.

После этих четырех дней визита и пяти с половиной часов переговоров Франсуа Миттеран и я подводим итог. Как и в марте, Михаил Горбачев нас очень заинтересовал, к этому уже стоит привыкнуть. Перед нами решительный, умный человек, который откликается на все наши предложения и всегда имеет в запасе невероятное количество новых. Разумеется, как пишет Пьер Морель, никаких заметных перемен не произошло, но приметы их видны повсюду.

Например, нам кажется, что через выбранный тон разговора просматривается реальная воля к разоружению. И не только в связи с пацифистскими настроениями. Нет. Скорее в связи с тем, что для нового Генерального секретаря приоритетом является не разорительная гонка вооружений, а экономическое развитие его страны и неизбежное сотрудничество с Западной Европой.

Конечно, мы можем только одобрить такое развитие событий. Движемся ли мы к новой эре разрядки? Перемены, заметные во многих вопросах, позволяют нам так думать. Можем ли мы надеяться на расширение взаимосвязей с восточными странами и таким образом добиться там перемен? К тому же не дал ли советский лидер во время этого визита понять, что произойдут заметные изменения в вопросе прав человека?

На заседании правительства 9 октября я в нескольких словах делюсь впечатлениями: “Это полезный визит”. Наш Президент, как и я, полон энтузиазма. “Горбачев там надолго”, – замечает он. У него есть реальное желание стать открытым по отношению к Европе, и Франция очень удобна с этой точки зрения. Президент уверен, что “отношения между СССР и Францией улучшились”. Он продолжает – и эти слова приобретут для меня большое значение в дальнейшем:

– СССР теперь знает, что он имеет дело с ответственной Францией. Ранее Франция лишь сглаживала конфликтные ситуации. Проблема ракет СС-

20 никогда не затрагивалась во французских политических документах. Это значит, что мы пережили трудную фазу, из которой сейчас выходим. Надо справиться с этой ситуацией... Современный раздел Европы на Восточную и Западную не имеет аналогов в истории. Возможно, что, если у СССР созреет какое-либо антиялтинское требование, он откроется для прогресса в этом разделе, прогресса, который облегчил бы разрешение проблемы. Конечно, русские эксплуатируют страны Восточной Европы, но необходимо признать и то, что они обходятся им очень дорого.

И, наконец, о самой персоне:

– Уезжая, Михаил Горбачев говорил доброжелательные, сердечные, прочувственные слова. Не мне их оценивать. Но они произнесены... В определенном смысле СССР нуждается во Франции. Франция для СССР – самый желанный европейский партнер. Иметь связи с СССР – в наших интересах. Если это обернется против нас, мы всегда можем выйти из игры. И это главное, чего мы достигли в ходе встречи.

Что делать теперь?

В течение этих четырех дней наши союзники анализировали каждое наше слово, каждый жест.

Западные немцы опасались оказаться изолированными от прямого диалога Восток-Запад – диалога между Парижем и Москвой. Наша позиция успокоила их. В течение этих четырех дней мы все время напоминали, особенно во время тостов, о том, что мы – члены ЕЭС, и о нашем прочном партнерстве с ФРГ. К тому же я держал Ганса-Дитриха Геншера в курсе событий практически поминутно: каждый раз, когда русские позволяли себе говорить об опасности германского милитаризма, мы останавливали их, напоминая о дружбе между Парижем и Бонном.

Остается определить, какую общую позицию принять после этого визита. Что делать с этим прорывом на Восток? И вообще: действительно ли это прорыв? Откровенен ли Михаил Горбачев? Что касается последнего, то,

как я уже говорил, после короткой встречи с Генеральным секретарем в марте 1985 года Франсуа Миттеран продолжает проявлять большую осторожность.

После октябрьских переговоров его мнение изменилось. Как и Маргарет Тэтчер, которая считала, что с Михаилом Горбачевым можно иметь дело (“We can do business with this man”), Франсуа Миттеран верит теперь в реальное изменение советских позиций. Он убеждается почти интуитивно, что Горбачева можно воспринимать серьезно. Через несколько недель в приватной беседе он спросит меня: “Отдает ли себе этот человек отчет в том, что он делает?”.

Для Франсуа Миттерана это очень важный поворот в сознании. С этого момента наша политика на Востоке изменится. Теперь надо не навязывать СССР жесткий разговор (как в 1981-1984), а, внимательно наблюдая за изменением позиции Кремля, извлекать максимум пользы для разрядки и безопасности европейского континента.

Теперь нужно убедить американцев, что Горбачев – именно человек перемен. Это то, что мы потом назовем нашим посредничеством. Действовать нужно таким образом, чтобы между двумя мировыми державами возникло взаимопонимание, и США оценили бы истинные масштабы перемен на Востоке.

Сразу же после октябрьских переговоров, за несколько недель до встречи Михаила Горбачева и Рональда Рейгана, Президент Франции напишет длинное письмо в Вашингтон. Тон письма, конечно, осторожен, но недопонимания быть не должно: он призывает Рейгана отнестись к новому собеседнику серьезно.

“В Париже М. Горбачев подтвердил впечатления, которые сложились о нем еще до его вступления на пост главы государства, когда он приезжал в Канаду и Великобританию. Это человек прямой, он в курсе важнейших проблем, внимательный и обладает быстрой реакцией. Он без сомнения сможет привнести новый тон в советскую внешнюю политику и перестать бесконечно повторять уже известные точки зрения”.

Это подтвердилось во время переговоров в Париже.

И Франсуа Миттеран продолжает:

“Ничто, однако, не предвещает, что в существующей ситуации он будет готов к большим уступкам во время вашей встречи в Женеве. Впрочем, я не исключаю возможности того, что, в конце концов, может наметиться компромисс”.

Такой открытый диалог мы будем вести теперь со всеми нашими партнерами, и он приведет к окончанию “холодной войны” и прочному миру между Востоком и Западом.

Все началось в Париже в октябре 1985 года и завершилось в ноябре 1990 “Парижской хартией о новом Союзе”.

И этим мы обязаны прежде всего Михаилу Горбачеву».